

А. Л. Волкова (Минск, МГЛУ)

**ПЕРЕДАЧА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ
БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале переводов книг С. Алексиевич)**

В статье определяется понятие безэквивалентной лексики с национально-культурной спецификой, анализируются основные стратегии и приемы, используемые при ее передаче с русского языка в художественном переводе на французский на материале переводов книг С. Алексиевич. Выделены три тематические группы, относящиеся к разным сферам жизни человека. Установлено, что при переводе безэквивалентной лексики переводчики чаще всего использовали приемы транскрипции и транслитерации, описательного перевода, калькирования и элиминации национально-культурной специфики, а также приемы генерализации и полукалькирования. В статье описываются преимущества и недостатки каждого из указанных приемов перевода, а также их способность сохранить национально-культурную специфику безэквивалентной лексики.

Современное общество живет в эпоху расширения интернациональных контактов, обменов в различных областях. Эти процессы характеризуются взаимопроникновением языков и культур и, как следствие, ростом роли межкультурной коммуникации. В последние десятилетия с ростом контактов

Беларуси с другими странами проблема соотношения языка и культуры стала особенно актуальной. Люди знакомятся с понятиями, традициями и явлениями, не характерными для их родной культуры. В переводоведении для обозначения подобных реалий используется термин *безэквивалентная лексика*.

По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, безэквивалентная лексика – это «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [5, с. 77]. Таким образом, под безэквивалентной лексикой можно понимать те лексические единицы, которые не имеют в словарном составе переводного языка единиц аналогичного уровня, при помощи которых можно передать все компоненты исходной лексической единицы.

Безэквивалентная лексика отражает специфику культуры определенного народа, сохраняет национально-культурную семантику его языковой картины мира, что представляет особую трудность при переводе художественных произведений. Невозможность выбора эквивалентных соответствий, которые могли бы обеспечить адекватное художественно-литературное звучание текста перевода, обуславливает необходимость поиска для сохранения национального своеобразия оригинала соответствующих выразительных средств в языке своего социокультурного коллектива, которые могли бы привести те или иные элементы другой национальной атмосферы.

Объектом нашего исследования стали произведения С. Алексиевич («У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики», «Чернобыльская молитва», «Время секунд хэнд») и их переводы на французский язык с целью анализа различных способов и приемов передачи национально-культурной специфики безэквивалентной лексики, используемой автором в своих произведениях.

В русле классификации безэквивалентной лексики С. Влахова и С. Флорина [6, с. 51–56], основанной на предметном признаке, мы выделели три тематические группы, обозначающие предметы и явления различных сфер русскоязычной культуры: *общественно-политическая лексика*, *бытовая лексика* и *этнографическая лексика искусства и культуры*.

Чаще всего при переводе общественно-политической лексики переводчики прибегали к приему калькирования, который заключается в «создании нового слова или устойчивого сочетания в языке перевода, копирующего структуру исходной лексической единицы» [7, с. 173–174]. Ср.: *Maison des officiers* (f) [11, p. 158] – *дом офицеров* [3, с. 162]; *Conseil (m) des vétérans* [9, p. 113] – *Совет ветеранов* [2, с. 119]; *président (m) du kolkhoze* [10, p. 57] – *председатель колхоза* [4, с. 67].

При этом последний пример был переведен с использованием приема полукалькирования, который состоит из транслитерации иноязычного слова и материала из собственного языка, ведь понятие *колхоз* было передано при помощи транскрипции – *kolkhoze* (m).

Для перевода некоторых выражений подобной тематики у переводчика возникает необходимость в использовании приема транслитерации и транскрипции, что позволяет полностью сохранить национально-культурную специфику такой лексики. Ср.: *goulag* (m) [8, p. 22] – *ГУЛАГ* [1, с. 8]; *perestroïka* (f) [8, p. 23] – *перестройка* [1, с. 9]; *MVD* (m) [8, p. 540] – *МВД* [1, с. 433]; *praporchtchik* (m) [11, p. 17] – *прапорщик* [3, с. 17].

Однако при использовании данного приема франкоязычный читатель вряд ли сможет полностью понять значение данных выражений. Поэтому при переводе некоторых реалий переводчик помимо транскрипции и трансли-

терации использует переводческий комментарий. Так, например, слово *спецназ* [3, с. 100] было переведено как *spetsnaz* (m) [11, р. 100], и к этому слову прилагалось примечание на французском языке – *détachements spéciaux chargés de missions particulièrement délicates* [11, р. 221], чтобы франкоязычный читатель смог понять смысл этого иноязычного понятия.

Каждый переводчик по-разному решает возникающие перед ним трудности, основываясь на своих фоновых знаниях и учитывая общий контекст произведения. Поэтому нередко в разных переводах можно встретить различные варианты передачи одного и того же понятия. Например, слово *полицай* было передано тремя разными способами, так как переводчики воспользовались различными приемами перевода безэквивалентной лексики. В произведении «Чернобыльская молитва» данное понятие было передано словосочетанием *supplétif* (m) *des Allemands* [10, р. 38], так как переводчик воспользовался приемом описательного перевода для лучшей передачи смысла иноязычного понятия. Переводчик произведения «Время секунд хэнд» решил применить прием транскрипции (*polizei* (m) [8, р. 264]), сохранив тем самым национально-культурную специфику понятия, но оставив смысл понятным лишь из контекста. А вот национальный компонент этого понятия в книге «У войны не женское лицо» оказался полностью стерт, так как переводчик использовал прием элиминации национально-культурной специфики и заменил данное слово на французский эквивалент *policier* (m) [9, р. 85].

Интересным представляется перевод советизма *субботник* [1, с. 179], который был передан как *samedi* (m) *rouge* [8, р. 233] (дословно *красная суббота*). Здесь сохраняется понятие *суббота*, указывающая на происхождение реалии и время осуществления работы. Но вот слово *красный* в данном случае выступает синонимом *советский*, так как этот перевод встречается в книге Алексиевич «Время секунд хэнд», другим названием которой является «Конец красного человека», т.е. ‘советского человека’. При этом понятие *samedi* (m) *rouge* в полной мере сохраняет свою национально-культурную специфику, однако суть его остается не совсем ясной для иноязычного адресата.

При переводе бытовой лексики широко использовался прием транскрипции/транслитерации, при котором передается лишь звуковой или буквенный состав слова, что позволяет сохранить колорит другой культуры. Ср.: *isba* (f) [8, р. 559] – *изба* [1, с. 359], *matriochka* (f) [8, р. 131] – *матрешка* [1, с. 95], *samovar* (m) [8, р. 131] – *самовар* [1, с. 95], *valenki* (m) [9, р. 107] – *валенки* [2, с. 115], *pirojkis* (m) [8, р. 57] – *пирожки* [1, с. 37].

Аналогичный прием применялся и при переводе слова *пельмени* в произведении Алексиевич «У войны не женское лицо» – *pelmeni* (m, pl) [9, р. 143]. Сохранив национально-культурную специфику этой реалии, переводчик добавляет следующий комментарий – *sortes de raviolis farcis à la viande de bœuf et de porc* [9, р. 143]. А переводчик книги «Время секунд хэнд» принял решение элиминировать национально-культурную специфику данной единицы безэквивалентной лексики, переведя ее как *raviolis* (m, pl) [8, р. 76], что также звучало в первой книге, но только в виде переводческого комментария. Блюдо *равиоли* относится к итальянской национальной кухне, и так как Италия граничит с Францией, данное понятие ближе и понятнее франкоязычным читателям, однако с употреблением такого «чужого» для русскоязычной культуры понятия его национально-культурная специфика стирается.

При передаче национально окрашенной бытовой лексики использовался также прием описания, который, к сожалению, не позволяет обеспечить адекватность при переводе, однако дает возможность понять специфику иноязычной культуры. Ср.: *viande (f) en gélatine* [8, p. 128] – *холодец* [1, с. 92], *appartement (m) minuscule construit sous Khrouchtchev* [8, p. 91] – *хрущовка* [1, с. 63]. Недостатком описательного перевода является его громоздкость и многословность. Поэтому наиболее успешно этот способ применяется в тех случаях, где можно обойтись сравнительно кратким объяснением.

Определенный интерес представляют различные варианты перевода лексической единицы *портянки*. В «Цинковых мальчиках» использовался описательный перевод, который, однако, стирает национально-культурную специфику понятия, – *bandes (f, pl) pour les pieds* [11, p. 149] (дословно *полоски ткани для ступней*). Переводчик же «Чернобыльской молитвы» сохраняет маркер другой культуры, применяя словосочетание как *chaussettes russes (f, pl)* [10, p. 86] (дословно *русские носки*). Однако получателю перевода будет непонятно, что скрывается за этим предметом одежды. А в произведении «У войны не женское лицо» понятие *портянки* переводится как *portianki (f, pl)* [9, p. 37], т.е. переводчик использует прием транскрипции, который сохраняет колорит другой культуры. В данном случае переводчик также дал комментарий для пояснения значения франкоязычным читателям – *bandes de tissu remplaçant les chaussettes, qui sont toujours en usage dans l'armée russe*.

При передаче этнографической лексики, связанной с искусством и культурой, переводчики часто прибегали к приему элиминации национально-культурной специфики, при котором национально-культурная специфика лексемы опускается, и переводчик употребляет лексику переводного языка, обладающую собственной национальной спецификой. Ср.: *père Noël (m)* [11, p. 45] – *Дед Мороз* [3, с. 47]; *Dragon (m) des Montagnes* [11, p. 41] – *Змей Горыныч* [3, с. 43]; *Belle Princesse (f)* [8, p. 35] – *Царевна Прекрасная* [1, с. 19].

Этот же прием использовался и при переводе словосочетания *кисельные берега* [1, с. 19] – *bords (m, pl) de confiture* [8, p. 35] (дословно *берега из варенья*). Во франкоязычной культуре отсутствует понятие *кисель*, поэтому для того, чтобы текст перевода был более понятен читателям, переводчик употребляет частотное слово *confiture (f)*.

Интересна замена мифологического персонажа русской народной сказки *Кощея Бессмертного* [1, с. 431], который превратился во французском переводе в *fée de Carabosse (f)* [8, p. 537]. Дело в том, что в оригинале *Кощей Бессмертный* употреблялся в сравнительном обороте, чтобы подчеркнуть, что герой стал слишком старым: *она старая, как Кощей Бессмертный* [1, с. 431]. Во французском переводе книги «Время секунд хэнд» это сравнение звучит как *elle était aussi vieille que la fée de Carabosse* [8, p. 537]. *La fée de Carabosse* – это фея, известная своей некрасивой внешностью и вредностью. А это меняет смысл оригинал, где упор делается именно на понятии «бессмертия» Кощея, т. е. на его долгую жизнь. Хотя *fée de Carabosse* является женским образом, который хорошо вписался в текст перевода, это приводит к стиранию национально-культурной специфики исходного понятия.

При переводе слова *коляда* [4, с. 282] переводчик воспользовался приемом генерализации, передав это понятие словом *chanson* (f) [10, p. 141] (дословно *песня*). В данном случае национально-культурная специфика полностью стирается, и без дополнительного объяснения, чем именно является такая песня, получатель перевода будет лишен возможности узнать что-то новое о культурных обрядах и традициях другой страны.

Проанализировав 645 единиц безэквивалентной лексики с национально-культурной спецификой из четырех произведений С. Алексиевич и изучив приемы ее перевода, мы пришли к выводу, что наиболее используемым является способ калькирования и полукалькирования (31 % рассмотренных лексических единиц). Элиминация национально-культурной специфики применяется в 23 % случаев, описательный перевод – 21 %, транскрипция и транслитерация – 19 %. Наиболее редко переводчики прибегали к генерализации – 6 %.

Описанные приемы в практике переводческой работы, как правило, являются комплексными. Исключительное использование только одного из них имело бы результатом либо перегрузку переводного текста иноязычным словесным материалом или «экзотизмами» (при транслитерации или транскрипции), либо непомерное расширение текста (при описательном приеме), либо полную утрату национальной специфичности (при элиминации национально-культурной специфики).

Анализ художественных переводов произведений С. Алексиевич на французский язык показал, что при передаче безэквивалентной лексики переводчикам не всегда удается сохранить национально-культурную специфику предметов и явлений русскоязычной культуры, а иногда при сохранении культурного своеобразия смысл передаваемых при переводе понятий остается не совсем понятным адресату.

Поэтому, определяя стратегию перевода лексики с национально-культурной спецификой, необходимо использовать самый широкий спектр приемов с учетом всего макроконтраста художественного произведения, а также культурологических особенностей как страны родного языка, так и страны языка перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексиевич, С. А.* Время секунд хэнд / С. А. Алексиевич. – М. : Время, 2014. – 509 с.
2. *Алексиевич, С. А.* У войны не женское лицо... / С. А. Алексиевич. – Минск : Мастац. літ., 1985. – 317 с.
3. *Алексиевич, С. А.* Цинковые мальчики / С. А. Алексиевич. – М. : Время, 2007. – 396 с.
4. *Алексиевич, С. А.* Чернобыльская молитва : хроника будущего / С. А. Алексиевич. – М. : Время, 2006. – 380 с.
5. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1038 с.
6. *Влахов, С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 2009. – 341 с.
7. *Комиссаров, В. Н.* Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Прогресс, 2000. – 253 с.
8. *Alexievitch, S.* La fin de l'homme rouge, ou Le temps du désenchantement / S. Alexievitch. – Paris : Actes Sud, 2013. – 541 p.
9. *Alexievitch, S.* La guerre n'a pas un visage de femme : recit / S. Alexievitch. – Paris : J'ai lu, 2005. – 415 p.
10. *Alexievitch, S.* La supplication : Tchernobyl, chroniques du monde après l'apocalypse / S. Alexievitch. – Paris : Jean-Claude Lattès, 1999. – 267 p.
11. *Alexievitch, S.* Les cercueils de zinc / S. Alexievitch. – Paris : Christian Bourgois, 2006. – 373 p.

The article is devoted to the analysis of the main strategies and techniques used in transmitting the national and cultural specifics of Russian-language non-equivalent vocabulary based on the translations of Svetlana Aleksievich books. The article describes the advantages and disadvantages of each methods of translation, as well as their ability to preserve the national and cultural specifics of non-equivalent vocabulary.